

АРНЕ ДАЛЬ ГЛУШЬ

«ПРЕВОСХОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ЖАНРОМ
ПОЗВОЛИЛО ДАЛЮ НАПИСАТЬ ЭТОТ
БЕЗУПРЕЧНЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ ТРИЛЛЕР —
ЛЕДЯЩИЙ ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ».

SUNDAY TIMES

18+

Триллер по-скандинавски

Арне Даль

Глушь

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Даль А.

Глушь / А. Даль — «Издательство АСТ», 2017 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-106389-4

«И все равно я знаю, что что-то происходит, происходит все время. Кто-то наблюдает за мной. Я во Тьме». Его зовут Бергер. Сэм Бергер. Больше он ничего не помнит. Кроме того, что должен выбраться отсюда. Сбежать. Сэм Бергер открывает глаза – и не понимает, где находится. Вокруг только белый снег и Молли Блум. Но может ли Сэм доверять ей? Кажется, Молли от него что-то скрывает. В силу обстоятельств им, детективам, приходится скрываться от правосудия. Они прячутся в Заполярье – туда непросто добраться даже на машине. Настоящая глушь – и в ней они проводят расследование, начало которого уходит далеко в прошлое... Убийца уже давно осужден и заключен в тюрьму, но действительно ли он виновен? Кто-то, похоже, хочет любой ценой помешать раскрыть тайну. Эта книга – душераздирающее путешествие в ледяное сердце тьмы.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-106389-4

© Даль А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Арне Даль Глушь

Arne Dahl
Hinterlands

© Arne Dahl, 2017

© Петруничева В., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

I

1

Комиссару Дезире Росенквист.

В первый раз я услышала этот звук два месяца назад. Его трудно описать. Как будто кто-то сидит в стене. Звук доносился и не снаружи, и не изнутри, и вряд ли его издавал человек. Но версия полиции, то есть заходивших ко мне недавно двоих молодых парней в форме, кажется, по прошествии нескольких дней, когда я могла обдумать ее, оскорбительной. А тогда я даже не знала, кто такие короеды. Теперь знаю.

Это паразиты, чьи личинки очень долго живут внутри сухой хвойной древесины, вплоть до десяти лет. Потом они, наконец, окукливаются и выбираются наружу. Дерево полностью разрушается изнутри, но снаружи выглядит здоровым. Избавиться от личинок короеда можно, только если сжечь зараженное дерево или обработать здание ядовитым газом.

Вгрызаясь в древесину, они издают отчетливый звук. Они не снаружи и не внутри, они во тьме.

Но я слышала не этот звук. Если только меня не преследует мой собственный паразит. Я чувствую, что за мной кто-то охотится.

Я живу очень уединенно. Никто не забредает сюда случайно: ни заблудившиеся туристы, ни любопытные риелторы, ни группы топ-менеджеров, которые притворяются, что отдыхают, принимая участие в соревнованиях по триатлону. Зато много диких животных. Конечно, я сначала решила, что это олень или лось забрел не туда, проломил забор и топчется среди моих растений. Но ни следов на грядке, ни повреждений ограды не обнаружилось. И я знаю, что ни олень, ни лось не могут перебраться через забор. Когда его ставили, я это продумала.

Так что речь может идти только о человеке, а не о животном. Но и люди бывают зверьми. И еще неизвестно, кто из миллионов представителей животного мира самый жестокий. Хотя вроде бы именно мы должны проявлять человечность.

К тому же, по подсчетам ученых, нам известно чуть больше половины из всех обитающих в мире видов животных.

Все-таки, наверное, ко мне пытался тайком пробраться человек. И у него – я исхожу из предположения, что это мужчина – не может быть никакой другой цели здесь на севере, в предгорьях. Сейчас навалило снега, и я обследовала снежный покров, но не нашла никаких доказательств или следов, которые не принадлежат мне самой. И все равно я знаю, что что-то происходит, происходит все время.

Кто-то наблюдает за мной.

Я во Тьме.

В девятнадцатом веке от всех замкнутых и ищущих свободы и справедливости женщин отмахивались, как от истеричек. К сожалению, мы и сегодня недалеко от этого ушли. Я знаю, что полиция уже давно считает меня истеричкой, хотя вы и прикрываете это убеждение такими терминами, как «сутяжница» и «любительница теорий заговора». И у вас под рукой уже наверняка готовый психиатрический диагноз. Удачи, скажу я вам. Я надеюсь, вы подавитесь этим диагнозом, когда склонитесь над моим жестоко искалеченным трупом.

Ведь этот человек не желает мне добра.

Меня действительно очень печалит, что никто не верит моим словам. Или еще того хуже, все считают меня сумасшедшей. Я же слышала, каким тоном разговаривали полицейские, которые приходили сюда. Я слышала, как они громко ржали над шуткой про «паразитов», садясь

в свою машину. Как будто я неспособна отличить зловредные личинки жучков от злобного взрослого мужика. Как будто я могу спутать издаваемые ими звуки.

Я пыталась уже много раз, но никто меня не слушает. Я и вправду во тьме.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что операция «Гладио» была на самом деле, что табачные фабрики в США добавляли в сигареты вещества, вызывающие зависимость. ЦРУ действительно имеет пистолет, вызывающий инфаркт и не оставляющий следов, а Церковь саентологии осуществила свою операцию «Белоснежка», несмотря на то что никто не верил, что это правда.

Сама я указывала на то, что Виктор Гуннарссон совершенно точно был замечен на Лунт-макаргатан сразу после убийства Улофа Пальме – это свидетельство записано, – и я лично разговаривала с полицейским, который признал, что два независимых свидетеля видели в тот июльский вечер спортивный автомобиль, принадлежавший местному следователю, около кафе на Чиннекулле.

Еще я неоднократно пыталась донести до вас, что не было ни намека на ДНК Эссама Касима на ноже, найденном в сливном отверстии в Стрёмстаде, а также что Пенни Грундфельт в течение трех лет до убийства Андерса Ларссона под ником DeathStar изливала свою ненависть во Флешбэке. Что рисунок ручкой на бедре Лизы Видстранд даже упоминался в местных газетах, но полиция махнула на это рукой и не изменила мнения о вине Карла Хедблума. И я ознакомилась с электронной перепиской между близнецами Абубакир, в которой упоминаются патроны к тому Ruger Mini 14, который снес голову Санчесу.

Но вам это безразлично.

Я заинтересую вас, только когда меня убьют. Только в виде трупа.

Да, я печатаю на машинке. Я отказалась от компьютера, как только узнала правду об АНБ. Ведь именно поэтому Эдвард Сноуден может скрываться в России – он никогда не пользуется компьютером. Кто-кто, а уж он-то точно пережил настоящую ломку от этого отказа, но со всем можно справиться. Я выхожу в Интернет с планшета, хорошо защищенного, но я никогда не пишу ни единого слова на компьютере. Любое из них остается навсегда в огромном облаке и может копироваться, как угодно. Если бы близнецы Абубакир, например, могли прочитать, что я знаю, мне грозили бы настоящие ужасы.

Я опять слышу этот звук, прямо сейчас. Боже мой.

Хуже всего, что он наверняка заберет с собой эти листки. Запачканные моей кровью. Потом избавится от них, не вдумываясь в содержание, как будто оно ничего не значит.

А я ведь пишу своей кровью.

Внешняя стена, внизу, там, где подвал. Неясный звук, как будто кто-то и впрямь движется внутри стены, глубоко в темноте. Но я, разумеется, понимаю, что он снаружи, что он пробирается через снег, лежащий на клумбах. Я только не понимаю, что ему нужно.

Неужели я все-таки случайно разгласила какие-то нежелательные факты до того, как отказалась от компьютера? И теперь оставшийся на свободе преступник чувствует, что мои предположения для него опасны? Или это просто обычный садист, который не имеет других намерений кроме собственно преступления? Взломщик, насильник, профессиональный убийца – мне, собственно говоря, наплевать на то, кто он, но я бы хотела узнать причину.

Я хочу знать, почему я умру.

Я не хочу вставать, не хочу отрываться от письма. Сумерки наступают все раньше, и они уже спустились, мне кажется, что еще и небо затянуто облаками, потому что за тьмой простирается как бы еще одна тьма.

Снова тот звук. Он переместился. Отрывочные, надоедливые, протяжные звуки вдоль стены, явно все ближе и ближе к входной двери.

Только бы это и впрямь были личинки короеда.

Мой взгляд не хочет отрываться от бумаги. И все же я чувствую, что должна найти выход. Огонек стеариновой свечи слегка трепещет в темноте, как будто вот-вот потухнет. Не слышно

ничего, кроме стрекотания моей печатной машинки. В любой другой ситуации оно смогло бы успокоить мои расшалившиеся нервы. Но не сейчас.

Потому что я снова слышу тот звук – быстрое шарканье, резкое поскрипывание. Никогда он не раздавался так близко.

Два месяца я живу с этим. Иногда каждый день, иногда в течение нескольких дней случается невыносимая пауза. Когда я сию секунду слышу все тот же звук прямо у двери террасы, он кажется почти прекрасным. Я бы не выдержала продолжения неизвестности, затянись она еще дольше.

Подвалом я не пользуюсь уже несколько лет, я туда даже не заглядывала все это время. В тот момент, когда я бросаю взгляд в сторону ведущей в подвал двери, ледяной ветер пронесется по спальне. И как только слабое пламя свечи гаснет, я слышу.

2

Четверг, 12 ноября, 14:17

Его зовут Бергер. Сэм Бергер. Больше он ничего не помнит. Кроме того, что должен выбраться отсюда. Сбежать.

Он прижался рукой к кухонному окну; оно было настолько холодным, что потная ладонь, казалось, вот-вот прилипнет к стеклу. Он быстро отдернул руку – отпечатки были настолько заметны, что он предположил, что на стекле осталась его кожа.

Первое, что он увидел в окне, было его собственное отражение. Он поднял правую руку, вытянул указательный и средний пальцы, так что кисть стала похожа на двустольный револьвер.

И выстрелил в себя.

За окном все было белым. Совершенно белым.

Глубокий снег лежал ровным покровом, под которым, возможно, скрывалось поле. И это поле, казалось, простиралось в бесконечность. Вдруг он заметил вдали какое-то движение, там, где уже едва хватало взгляда. Если изо всех сил напрячь зрение, можно было угадать в движущемся у горизонта длинном прямоугольнике автобус.

Ему нужно добраться туда.

Там есть дорога. Дорога на волю.

Дверь его комнаты впервые оказалась приоткрыта, ему удалось ускользнуть в самое правильное время, когда всех сморило после обеда, и он нашел кухню, куда он, насколько ему было известно, до сих пор ни разу не заходил.

Персонал подготовил все необходимое к вечернему кофе. На сервировочном столике стояло несколько термосов и блюдо с булочками с корицей, накрытое пленкой. Рядом со столиком висело несколько белых халатов.

Он снова посмотрел в окно, подойдя поближе; холод ударил ему в лицо. Он опустил взгляд и посмотрел на свое тело; из-под того, что в других обстоятельствах можно было бы принять за домашние брюки, торчали босые ноги. Он быстро подвигал пальцами – как будто они понимали, что ему без обуви до дороги никогда не добраться.

И все-таки он должен выйти. Должен сбежать. Он просидел здесь слишком долго.

Он слишком долго отсутствовал.

Он заглянул в кладовку. В дальнем углу стояла пара сапог, и он влез в них, хотя, они были ему малы размера на три. Пальцы пришлось подогнуть, но идти получилось. Может быть, получится даже бежать.

Вернувшись на кухню, он услышал за дверью крики, доносившиеся из коридора. Дверь была закрыта – но вряд ли это надолго.

Он схватил все три белых халата, висевших рядом с сервировочным столиком, и сделал несколько шагов к маленькой двери. Боль в согнутых пальцах ног не давала ему расслабиться.

Он натянул на себя первый белый халат, потом второй, но слишком близкий шум в главном коридоре помешал ему надеть третий. Осторожно нажав на ручку двери, он выскользнул в боковой коридор. Как можно тише закрыл за собой дверь и услышал, как распахнулась другая дверь кухни. Пробегая по темному коридору, он старался влезть в третий халат; из-за сапог его обычно проворная походка превратилась в безумное косолапое переваливание с ноги на ногу.

Обычно? Не было никакого «обычно». Уж во всяком случае, не походка. Казалось, он очнулся в совершенно пустом, совершенно белом мире.

В мире без знаков.

То, что казалось воспоминаниями, было ничем иным, как фантомными болями души. Все исчезло, обрублено. Как будто мозг сознательно заметал за собой следы.

И все же он узнал дверь, узнал даже щель, из-за которой последние метры темного коридора были пронизаны холодом.

Он распахнул дверь. Оказался на большой, прямо-таки огромной террасе, как будто она относилась к королевскому дворцу. Однако от снега была расчищена только небольшая квадратная площадка у самой двери. Вся усыпанная окурками.

Наверное, он выходил сюда покурить, когда все еще пребывал во тьме. Наверное, так и было. А как иначе он мог найти дорогу сюда?

Но разве он не бросил курить?

За границей утоптанного квадрата снег лежал метровым слоем. Расчищая площадку, из него вынули куб, так что перед дверью образовалась крутая ступень из плотно слежавшегося снега, ведущая на снежную равнину. До перил террасы оставалось метров шесть, и неизвестно, сколько оттуда вниз до земли.

До поля, ведущего к дороге. К дороге, ведущей отсюда.

Прочь.

Он бросился на окружавший его глубокий снег. Тот был покрыт толстым настом, так что не проваливались даже непропорционально маленькие ступни. Но под конец и это уже не спасало – борьба шла уже не за то, чтобы скорее добраться до ограды, а за то, чтобы хоть как-то передвигаться. В то самое мгновение, когда он добрался до перил, за его спиной раздался звук – скрипнула дверь на террасе.

До земли было метров пять. Там начиналось поле, которое он видел из окна. Снежный покров выглядел толще, чем на террасе. Если он такой же твердый, можно просто поломать ноги. Но выбора не было.

Не оглядываясь, он перекинул через перила сначала одну ногу, потом другую. Три халата развевались за ним, как странное подобие крыльев. Развевались очень долго.

Он спрыгнул в снег и утонул в нем. Да, утонул, снег смягчил падение. Он кинулся вперед, кувыркнулся прямо в метровую толщу снега. Рот забился, стало трудно дышать.

Это тянется слишком долго, его охватила паника. Необоримая паника. Однако он сумел встать и мог держаться на ногах. Он сплевывал и сблевывал снег, но продолжал бежать по полю. К дороге. Время тянулось немилосердно долго. Движения напоминали борьбу с зыбучими песками.

Преодолев с десяток метров, он бросил взгляд через плечо. Два широкоплечих мужчины стояли у перил террасы и смотрели на него. Потом исчезли.

Он продолжил бег. Снег одновременно был утрамбованный и пористый, податливый внутри, крепкий сверху. Это была борьба с силами природы. И, несмотря на три слоя больничных халатов, было безумно холодно.

Пошел снег. Крупные хлопья летели с темнеющего неба. Солнце уже зашло, когда он уловил новый звук, отличный от его судорожных вдохов и выдохов. Он замер, обратил взор к

небесам, подставив лицо снежинкам, которые ложились на него, словно кусочки маски, затаил дыхание, прислушался.

Очень внимательно прислушался.

В последних, слабых лучах закатившегося солнца он угадал какое-то движение вдалеке. Наконец ему удалось различить и силуэт. Сквозь белую пелену двигался прямоугольник.

И движение было направлено в его сторону. Он заторопился, сделал слишком смелый шаг, оступился. Чтобы не растянуться ничком, он очень сильно отклонился назад и упал на спину, не успев вытащить провалившиеся по колено ноги из снега. Подняться не удавалось, кружащиеся снежинки ложились ему на роговицу, глаза слезились. Подняться действительно не удавалось.

Ему пришлось искать глубоко внутри остатки силы воли, далеко упрятанный резерв энергии. Сгусток концентрированного бешенства. Он с ревом поднялся, окруженный снежным вихрем, халаты развевались, словно он неумоимо хлопал крыльями. Он был падшим, но вновь поднявшимся снежным ангелом.

Он ринулся дальше. Автобус приближался, его бока покрывал снег, и оставались видны только части оконных стекол. Шофер включил дальний свет, яркие конусы бежали впереди прямоугольника. Рокот мотора доносился все отчетливей.

Необычная мелодия свободы.

Теперь он видел дорогу, она вилась, как будто утопленная в толще снега. Он бежал, вдруг оказалось, что он может бежать, снег больше не оказывал того сопротивления. Он увидел, как автобус подкатывается все ближе и ближе. До обочины оставалось метров десять. Он упал на колени, снова поднялся. До автобуса оставалось совсем немного. Подняв руки, он неистово замахал. Шофер не мог не заметить крылатое белое существо в вихре пороши.

Продолжая бежать, продолжая махать, он добрался до обочины и из последних сил перепрыгнул через кювет. Автобус приблизился, на секунду беглецу показалось, что он встретился взглядом с водителем.

Но автобус не притормозил.

Протянув руку к покрытому снегом кузову, он согнул пальцы, словно это были когти, слово он хотел остановить многотонную машину одной лишь силой воли. Автобус шумно пронесся мимо него, не меняя скорости. Когда кузов слегка качнуло в сторону, беглец заметил на покрытом снегом боку пять отчетливых следов разной длины; следы его пяти пальцев.

Он посмотрел на закованную правую руку, на окровавленные кончики пальцев, но ничего не почувствовал. Вообще ничего. Он опустил на колени. У него не было сил даже на крик.

Исчезнувший вдали автобус оставил после себя непроницаемое облако. Он оказался в этом неожиданном снежном вихре, который постепенно, медленно начал стихать.

По другую сторону снежной завесы появился какой-то объект. В движении. И как будто это было связано с ним. Из вихря выступили две фигуры, два широкоплечих мужчины. Один из них все еще махал вслед автобусу, чтобы тот проезжал, как будто в искривленном времени.

Второй мужчина пересек дорогу, поднял кулак и ударил беглеца прямо в лицо. Тот был уверен, что потерял сознание еще до того, как на него обрушился этот удар.

Последним услышанным им звуком был шорох снега, медленно падающего с небес.

3

Четверг, 12 ноября, 17:48

Белая поверхность. Ничего не происходило, и ни единой подсказки вокруг.

По мере того как поле зрения расширялось, в нем появились параллельные лампы дневного света на белом фоне. Одна из них мигала, слабо, но быстро, освещая нервно пульсирующим светом белый потолок.

Он узнал свет. Он видел его раньше. И все же едва ли это можно было назвать памятью.

Первая сознательная мысль: как удивительно быть таким опустошенным, таким лишенным всего. Только тело. В этом чувствовалась абсурдная свобода. Свобода от прошлого.

Но появилось и совершенно другое ощущение. Как будто в его сознании приоткрывались дверь за дверью. Как будто он действительно в первый раз *захотел* вспомнить.

Мужской голос властно произнес:

– Сильное переохлаждение, но признаков обморожения нет.

Он перевел взгляд с потолка на одетого в белое мужчину, у которого еще и густая шеволоюра была белой. Врач вернул бинт на его правой руке на место и закрепил двумя кусочками пластыря. Потом встретился взглядом с пациентом и долго задумчиво смотрел ему в глаза.

– Я доктор Стенбум, вы меня узнаете, Сэм?

Он покачал головой. Он не узнавал белого человека. Хотя что-то подсказывало ему, что должен бы.

– По крайней мере, с рукой все в порядке, – сказал доктор Стенбум и положил ее, очень аккуратно, ему обратно на бедро.

– Повязка, стало быть, потребовалась не в связи с обморожением, а из-за того, что ваши кончики пальцев были сильно изранены, когда вы попытались раздрать бок автобуса. Мы перевязали каждый палец по отдельности. По нашим сведениям автобус ехал со скоростью больше восьмидесяти километров в час, что объясняет ваши травмы. Все заживет в течение недели-другой. Вы помните, как пытались задержать автобус, Сэм?

К собственному удивлению, он кивнул. Он действительно это помнил. Он помнил всю свою безумную гонку. Он помнил кухню, площадку для курения, террасу, поле. Помнил снег, забивший ему рот. Помнил автобус. Помнил двух широкоплечих мужчин.

– Чего я не совсем понимаю, – продолжил доктор Стенбум, – так это откуда у вас ушибы на лице.

«А я понимаю», – подумал он и слегка улыбнулся. Украдкой улыбнулся. Это вызвало странное натяжение. Он ощупал лицо – вся голова, кажется, была замотана.

– Вы помните, как получили травмы на лице? – спросил врач.

Он покачал головой. Доктор Стенбум, наоборот, покивал, медленно и озабоченно.

– Недавно мне показалось, что я вижу в вашем взгляде понимание, Сэм, но память, похоже, все-таки покинула вас. Вы знаете, какой сегодня день недели?

Он покачал головой. Он не был даже уверен, вспомнит ли названия всех дней. Вроде бы их семь?

– Понедельник, – ответил он.

– Не совсем, – сказал доктор Стенбум, наморщив лоб.

– Вторник, – продолжил он. – Среда, четверг, пятница, воскресенье.

– Вы забыли субботу, Сэм.

Он снова посмотрел на потолок. Он забыл субботу. Он даже не смог сосчитать до семи.

– У вас сотрясение мозга, Сэм, – пояснил доктор. – Возможно, это из-за него, а не из-за... вашего прежнего состояния. Вы можете сказать, как вас зовут?

– Сэм Бергер.

– Хорошо. А вы помните, как попали сюда?

Слабое шевеление внутри, скорее внизу в затылке, чем наверху у макушки. В спинном мозге? Картинка: снег, бешено летящий в лобовое стекло, быстрое отражение в том же стекле, копна волос. Все снова исчезло.

Он покачал головой. Доктор Стенбум кивнул.

– Но вы помните, что пытались сбежать?

Он кивнул.

– Ясное дело, пытался, – сказал он. – Я же не знаю, где я? На Северном полюсе?

Доктор Стенбум засмеялся, но быстро снова посерьезнел.

– Вы помните, кто вас сюда привез?

Опять смутные воспоминания, картинки, в которых чего-то не хватало, как в порванных фотографиях. Он покачал головой.

– Вы помните, был ли это мужчина или женщина?

– Женщина, – моментально ответил он и сам удивился.

– Хорошо, Сэм. А как она выглядела, помните?

– Блондинка.

– У нас есть записи с видеокамер наблюдения у главного входа. Все совпадает, там была светловолосая женщина. Но она оставила вас снаружи, в снегу. Нам пришлось выйти и занести вас на руках, Сэм. Кто она?

Он почувствовал, что моргает. С каждым движением век бинты чуть натягивались. У него и впрямь замотана вся голова?

– Не знаю, – сказал он.

– Мы тоже, – развел руками доктор Стенбум. – У нас нет никаких данных о ваших родных и близких, с которыми мы могли бы связаться теперь, когда вы начинаете выздоравливать.

– Я начинаю выздоравливать?

– Несмотря ни на что, думаю, да, – улыбнулся доктор Стенбум и встал. – Думаю, что вы на пути к выздоровлению, Сэм.

– Понятия не имею, на каком я пути.

– Надо поспешать медленно, Сэм. Если вы не знаете, на каком вы пути, значит, и торопиться по нему идти, наверное, не стоит.

– А что вы сейчас делаете?

– Ввожу обратно капельницу, Сэм. С лекарством, которое мы давали вам все эти две недели. Ту же дозировку. Со временем мы сможем начать снижать дозу.

– А что это за средство?

– Главным образом препарат для парентерального питания. Вы не больно-то могли усваивать пищу другим способом, Сэм. Но еще и успокоительное. Оно было крайне необходимо вам раньше, и оно не меньше нужно вам сейчас, когда к вам постепенно начинает возвращаться сознание.

Он рассмотрел пластыри на сгибе левой руки. Из них торчал желтый катетер. Туда врач вставил трубку, которая вела к капельнице в подставке, висевшей над его головой. Доктор встал рядом с койкой, уперев руки в бока, и посмотрел на лежащего. Нахмутив брови, он сказал:

– Вы бежали, Сэм. Если бы персонал не заметил вашего отсутствия, вас ждала бы верная смерть на морозе. Обычно в таких случаях пациента привязывают к постели ради его же блага. Однако я предпочитаю сейчас этого не делать, потому что верю, что вы понимаете, что бежите не от нас, Сэм, а от реальности, от своих воспоминаний. И судя по тому, что я и остальной персонал слышали в последние недели, возвращение воспоминаний не будет для вас безболезненным. Я хочу, чтобы вы подумали об этом, Сэм, может быть, даже запомнили это. *Этоне будет безболезненно.*

Доктор Стенбум внимательно посмотрел на своего пациента. Потом вышел, закрыв за собой дверь. Кажется, щелкнул замок, запертый снаружи.

Лежа в постели, он, однако, смотрел только на торчащий из руки желтый предмет. Потом начал медленно отдирать полоски пластыря, фиксирующие катетер.

Кожа вокруг того места, где толстая игла входила в вену, была не только посиневшей, но и сильно исколотой. Следы многочисленных уколов более или менее зажили, и не было никакого сомнения в том, что он пролежал здесь весьма долго. Пару недель, так сказал чертов доктор Стенбум, но могло быть и намного больше. Время для него пока еще мало что значило.

Он рывком вытащил иглу из руки. Довольно слабая струйка крови побежала из сгиба локтя, как будто никакого давления в теле не осталось. Потом струйка превратилась в ручеек, и пришлось выхватить из-под головы подушку, сорвать наволочку и положить подушку под локоть. Кровь, извиваясь, медленно стекала вниз, и под рукой расплылось большое пятно.

Он согнул иглу, это оказалось сложнее, чем он рассчитывал. Наконец она приняла слегка изогнутую форму. Он приблизил ее к свету, внимательно рассмотрел. Потом воткнул ее в кровотокающую ранку, поводил внутри, ища место, где вывести ее через вену.

Боль добавляла ему собранности.

Он посмотрел на кожу. В нескольких сантиметрах ниже входного отверстия появилась небольшая выпуклость. Он нажал сильнее, бугорок увеличился. Наконец, кожа разошлась. Изнутри. Из руки показалась изогнутая игла. Кровь сочилась из обеих ранок.

Он видел отверстия, пулевые отверстия. Мимо проносились видения, пытались задержаться. Настойчиво пытались.

Но прозрачная жидкость, смешивающаяся с кровью, прогнала их. Жидкость капала из согнутой иглы. Кап, кап. Лекарство. Оно больше не бежало по его венам и не отравляло его тело.

И его душу.

Он вернул пластырь на ранки, проделав небольшое отверстие в его поверхности, и наблюдал за происходящим, пока из-под пластыря не показалась первая прозрачная капля, стекшая на подушку. Тогда он поправил желтый катетер, и все стало выглядеть как раньше.

Он положил испачканную кровью подушку на другую сторону кровати, чтобы дать ей высохнуть, свесил ноги на пол и какое-то время сидел на краю постели. Потом перенес вес тела на нижнюю часть туловища и поднялся. Его слегка качало, боль молниями проносилась по голове, но он остался стоять. Затем сделал первый пробный шаг, второй. Конечно, его пошатывало, конечно, он крепко держался за капельницу, но ноги держали.

В дальнем конце пустой комнаты находилась раковина, над которой висело зеркало. Он доковылял туда, посмотрел на странное лицо мумии, нашел это логичным. Человек без воспоминаний, человек без лица. Это не было отражением Сэма Бергера. Он ощупал повязку, казалось, он видит в зеркале кого-то совсем другого.

Кого-то совсем другого. Отражение кого-то совсем другого. Вдруг зеркало превратилось в лобовое стекло, наверное, какой-то машины, вдруг оно оказалось не чистым, а залепленным чем-то летящим со всех сторон. Это были снежные хлопья, большие плоские снежные хлопья, которые бились о стекло, как будто автомобиль прорывался сквозь хаотично мечущиеся и вспыхивающие осколки света. И в промелькнувшем отражении он увидел что-то другое. Это не было его, Сэма Бергера, отражением. Это была копна белокурых волос. Но никакого лица, только волосы. А потом все исчезло. Осталась только диковинная, тарасившая глаза мумия. И не в лобовом стекле, а в зеркале, в мрачной пустой комнате в каком-то месте, которое должно было быть медицинским учреждением.

Он отошел от зеркала, ему больше не хотелось туда смотреть. Нетвердыми шагами он добрал до окна. Выглянул наружу. Поле, которое еще недавно было таким белым, теперь черным-черно. Ничего не видно: ни луны, ни единой звезды, только крошечная тьма. Непонятно даже, идет ли снег.

Наверняка идет.

Он не мог отделаться от своего отражения. Снова мумия. Но на сей раз мумия сделала жест Сэма Бергера: подняла перебинтованную правую руку и застрелила себя из двуствольного револьвера.

Потом он затих. Как фигура у стола.

Внезапное замешательство. Стол? Фигура?

Ужасающее чувство, как будто помнишь что-то, чего совсем не помнишь. Именно эту пустоту.

Он встал у черного, как сажа, окна. Он видел свое отражение, ту же мумию. За спиной проступали вещи, представляя его взгляду. Комната, большой, почти пустой дом. Дождь, хлещущий в окно. Фигура, сидящая на стуле посреди комнаты. Пустота, тишина, которую ни с чем нельзя сравнить. Из темноты возникла мебель, точнее, почти полное отсутствие мебели. Интерьер практически без мебелировки. Непонятного происхождения крик, поднимающийся к сравнительно высокому потолку. И ничего больше. Ничего больше. Впрочем, не совсем.

Копна волос. Белокурая копна волос. Взвилась злость.

Сидящая фигура. Все непонятно.

Четырехлистный клевер. И внезапно кровавый взрыв. Насилие и кровь. Дом наполнился болью. Повсюду пулевые отверстия. В полу. Следы от пуль в полу.

Сидящая фигура. Женщина. Тишина.

Потом показался подвал, темная подвальная лестница. Он был не в силах спуститься по ней. Мозг воспротивился.

Закружились воспоминания, но он понятия не имел, откуда они. Два человека, еще дальше, как будто он смотрит на них с большого расстояния. И в пространстве, и во времени. Сначала они пришли, потом сидели неподвижно, очень близко друг к другу.

Бешено завертелись.

Возможно, это было в действительности: луна выбралась из-за облака, освещая медленно падающие снежинки. Они не неслись навстречу лобовому стеклу, а танцевали. И можно было проследить за каждой из них, равнодушных и к времени, и к скорости.

Никакой скорости и не существовало. Она была внутри него и больше нигде. А там все двигалось очень быстро.

Непостижимая расплывчатость воспоминаний – всё ускользало. Как только он надеялся ухватить картинку, она ускользала.

Снова два человека, большой и маленький. Тандем. Он заставил себя удерживать их, хотя они двигались к столу. Большим был он сам, это был Сэм Бергер, а рядом с ним находилась женщина. Но она была не белокурой, а темноволосой, довольно невысокой, со стрижкой «каре». Он тщетно пытался вспомнить имя. Дезире?

Да, точно, и совсем не точно. Другое имя, может быть, прозвище? Да. Ди. Вроде бы так? И вдруг он увидел их со стороны, Сэма и Ди, тандем.

Полицейские.

Потом они сидели по одну сторону стола в допрос-ной. Сэм слева, Ди справа. Росенквист. Дезире Росенквист.

Он видел свое выражение лица, мрачное, угрюмое. Он видел лицо Ди, подбадривающую улыбку. Хороший полицейский, плохой полицейский. Он видел насмешливый жест Сэма Бергера.

Было три женщины. Одна из них неподвижно сидела на стуле в комнате без мебели, где дождь барабанил по оконному стеклу и где на полу были кровь и дыры от пуль.

Или их было четыре?

Или еще больше?

И тут все пропало.

Резко. Как будто переживший сотрясение мозг с непривычки выключился, получив передозировку впечатлений.

Он сделал шаг вбок. Капельница зазвенела. Кожа вокруг ран, в которых торчала иголка, натянулась. Он рассмотрел пластырь на руке. Кажется, ничего не произошло. Он подождал. Наконец, капля прозрачной жидкости просочилась через маленькое отверстие в пластыре.

Его изобретение все еще работало.

Он повернулся и оглядел комнату. На полу за ним остался след. Но не кровавый, а из нескольких прозрачных капель жидкости. След из капель. След из лекарства. Он надеялся, что они высохнут раньше, чем в его комнату снова наведается кто-то из персонала.

Пошатываясь, он подошел к постели. Там лежала подушка без наволочки, с расплывшимся пятном крови. Он потрогал его. Пятно оказалось по-прежнему мокрым. Он положил наволочку рядом и решил подождать и надеть ее, только когда кровь подсохнет.

Чтобы не оставлять после себя следов. Кровавых следов.

Он обогнул кровать и вернулся к исходной точке. Сел на край койки, потом закинул на нее ноги и лег на спину, ровно.

Взгляд уперся в потолок. Нервно пульсирующий свет, а за ним совершенная белизна. И все же на потолке имелось немало знаков. Знаков, которые начинали напоминать воспоминания.

Ему нужно сделать перерыв. Снова опустошить мозг, положить его на подзарядку. А потом он должен начать вспоминать.

По-настоящему вспоминать.

4

Пятница, 13 ноября, 07:33

В комнате не было окон. Зато полно людей. И еще больше мониторов. Было похоже, что она находится в подземелье. Во всяком случае, ниже уровня улицы.

В одном углу этой большой комнаты, где кипела какая-то лихорадочная деятельность, немного обособленно сидели два человека. Они сидели по разные стороны письменного стола и видели лица друг друга не чаще, чем экран монитора. Одному из двоих приходилось сидеть лицом к стене, и они делали это по очереди, потому что оба предпочитали видеть всю комнату целиком.

Рослый мужчина, который на этой неделе вытащил несчастливый жребий и сидел, уткнувшись взглядом в стену, посмотрел на дешевые дайверские часы на мощном запястье. Словно он только что вынырнул на поверхность и решил проверить, как долго удалось задерживать дыхание. Он сделал пару глубоких вдохов и снова нырнул. Глубоко в море, которым в его случае был компьютер.

Рядом с монитором стояла латунная табличка, гласившая, что имя мужчины – Рой Гран.

С другой стороны стола на него бросили быстрый взгляд. Ни один из двоих не хотел в этом признаваться, но между ними постоянно происходила борьба за то, кто первый получит повышение и будет включен в так называемые «внутренние ресурсы».

А пока они оставались «внешними».

Рядом с монитором, повернутым к стене, находилась такая же латунная табличка, только с другим именем: Кент Дёсс. И теперь Кент Дёсс вперился в экран, на котором в строку поиска были вписаны приблизительно те же слова, что у Роя Грана. Надо проверить, не появилось ли чего нового.

Как обычно, поиски давались нелегко. Если кто-нибудь из разыскиваемых вопреки ожиданиям объявится в публичной сфере, это случится исключительно по ошибке. И Рой с Кен-

том искали именно ошибку такого рода: использование банковской карты, выход в Интернет, любого рода промах с использованием имени.

Кент Дёёс подумал о Молли Блум.

Рой и Кент работали с ней, и она производила на них сильное впечатление. Она бы никогда не допустила подобной ошибки. Она числилась во «внутренних ресурсах», являлась одним из наиболее высоко ценимых сотрудников, почти легендарным специалистом по внедрению. Ей разрешалось использовать некоторое количество секретных имен, которые не были известны даже СЭПО¹, и она бы могла продержаться в тени хоть целую вечность. А вот ее партнер, если можно его так назвать, бывший инспектор уголовной полиции Сэм Бергер был слабым звеном. Почти вся их энергия была брошена на поиски возможных оплошностей Бергера. Но уже прошла пара недель с тех пор, как и он, казалось, исчез с лица земли.

Либо Молли полностью контролировала его, либо он залег на дно самостоятельно. Второй вариант выглядел не слишком правдоподобным. Чертов Сэм Бергер *должен был* совершить ошибку, это неизбежно. Требовалось только терпение. Однако терпение не было сильной стороной ни у Кента, ни у Роя.

Стандартные поиски: найти самые отдаленные места, такие, чтобы минимально освещались в Сети. Гостиницы без электронной картотеки, засекреченные медицинские учреждения, спортивные залы в глуши, авиабилеты, приобретенные на сомнительные имена и вызывавшие запоздалую тревогу, пограничные пункты с замедленной отчетностью, едва заметные точки в шенгенской зоне, где никто не проверял документов. И разумеется, вне ее. Хотя Бергер и Блум, вероятно, находились на территории ЕС, в шенгенской зоне. Скорее всего там, где в отвратительном месяце ноябре было максимально комфортно.

И все же Кент не воспринимал гипотезу о бегстве за границу как вполне убедительную. Он долго работал вместе с Молли Блум. Он не верил, что она сбежала за рубеж. Он сконцентрировался на Швеции. На самых укромных ее уголках. Может, где-то во внутренних областях?

Рой Гран и Кент Дёёс не получили наиболее засекреченную информацию. То есть они не знали, что именно совершили Молли Блум и Сэм Бергер. Только то, что их поиски СЭПО числит среди приоритетов.

Кент приостановил работу на несколько секунд и вскоре горько в этом раскаялся, но, так и не сумев удержаться, погрузился в воспоминания о странных обстоятельствах. В его памяти отпечатались безумная драка с Бергером в квартире Блум, куда тот проник тайком. Бергер дрался, как трижды сидевший рецидивист, им пришлось усыпить его. Потом он вспомнил, как Блум допрашивала Бергера, причем очень жестко, но в то же время она по непонятной причине вывела из строя записывающее оборудование. Наконец он вспомнил рейд в кошмарную квартиру в Соллентуне. Бергер и Блум находились в ней, вместе, проводя героическое расследование, чтобы спасти похищенных людей.

Что-то в воспоминаниях у Кента не сходилось.

Но он помнил, – он не мог не улыбнуться – как Роя вырвало. А Кента нет.

В общем, он был не вполне сосредоточен, когда всплыл результат поиска. Он не знал, как долго мигал экран, но обратив на него внимание, принялся действовать максимально быстро. Он пробрался через некоторое количество каталогов, обошел пару брандмауэров, взломал несколько паролей и в шаге от успеха увидел то, чего совсем не хотел видеть. Руку.

Руку над монитором. Руку с дешевыми дайверскими часами. Указательный и средний палец изображали знак «победа».

Рой резко подскочил и проорал:

– Арьеplug!

¹ Служба государственной безопасности Швеции. (Здесь и далее, если не оговорено иначе, прим. пер.)

Он уже выбегал из комнаты, когда Кент с недовольным видом завершил свой поиск. На экране возникла надпись: «Сэм Бергер. Пансионат Линдсторп, Арьеплуг».

* * *

Как обычно, пришлось стоять и ждать под дверью, пока ленивое жужжание отпираемого замка не возвестило, что они могут зайти в святая святых. К этому моменту они топтались в коридоре уже больше минуты. Кента мучил вопрос, чем занимается начальник отдела разведанных СЭПО в течение этой из раза в раз повторяющейся минуты. Или это и правда только демонстрация власти?

Рой открыл дверь и вошел в кабинет. Начальник отдела Август Стен сидел за письменным столом: прямая как стрела спина, коротко стриженные седые волосы без малейшего намека на лысину и холодный взгляд светло-серых глаз.

– Мы его нашли, – сказал Рой.

Август Стен медленно снял очки для чтения, постучал ими по столу и сказал:

– Кто кого нашел?

– Бергера, – ответил Рой. – Сэма Бергера. Мы нашли его. В пансионате рядом с Арьеплугом.

Брови Стена на секунду нахмурились, в остальном каменное выражение лица не изменилось ни на йоту. И с губ не сорвалось ни слова.

– Я могу предложить добраться туда как можно скорее? – спросил Рой. – Каждая секунда промедления увеличивает риск побега.

Август Стен внимательно посмотрел сначала на него, потом на Кента. Это никогда не доставляло удовольствия. Потом коротко кивнул.

Рой и Кент выскочили за дверь через полсекунды. Стен перевел взгляд на захлопнувшуюся за ними дверь. И долго на нее смотрел.

Потом выпрямил шею, так что в ней громко хрустнуло, и выдвинул один из нижних ящиков стола. Пошарил в нем и вытащил старый мобильный телефон. Сидя с отсутствующим видом, дождался, пока тот включится. Потом набрал номер.

* * *

Рой Гран предполагал, что «как можно скорее» будет означать перелет до места на вертолете. Однако от здания полиции в Стокгольме до Арьеплуга оказалось больше девятисот километров, о чем он и не подозревал.

К счастью, они успели на утренний самолет и надеялись, что если все пойдет по плану, то в Арвидсъяуре в аэропорту их будет ждать вертолет, на котором они преодолеют оставшиеся до цели сто пятьдесят километров.

Выйдя из почти пустого самолета, они обнаружили, что снегопад куда сильнее, чем казалось при посадке. Было похоже, что он набирает силу. Да и ветер вызывал беспокойство.

Потом они оказались в очень маленьком вертолете, в котором их швыряло туда-сюда и лишь изредка удавалось разглядеть за окном бесконечный горный массив. Памятуя о том, что Бергер хоть и не в совершенстве, но владеет приемами ближнего боя, они проверили оружие, два массивных пистолета Glock, и находящиеся на всякий случай под рукой шприцы с толстой иглой для инъекций, которую можно быстро вонзить, например, в сонную артерию.

Вертолет пролетел над маленьким, вмержшим в снег городком, который едва можно было разглядеть, потом под ними снова раскинулась сельская местность. Кент разглядел крошечный прямоугольник, двигавшийся вдоль извивающейся полосы, которая при ближайшем рассмотрении могла, наверное, оказаться дорогой. А прямоугольник, вероятно, был автобусом.

Сквозь снегопад проступили очертания здания, похожего на усадьбу, перед ним простиралось ровное, покрытое снегом поле, посреди которого был расчищен круг для посадки вертолета. Опытный, но неразговорчивый пилот уверенно приземлился, и все вокруг побелело. После остановки мотора и винта прошло немало времени, прежде чем взвихренный снег, наконец, улегся. Из-за снежной завесы появились три человека в зимней одежде. Дверь открылась, и одетых в тонкие куртки Кента и Роя обдало холодом, оба подумали, что им стоило бы догадаться, что в середине ноября в Арьеплуге будет морозно.

Первым навстречу вышел мужчина с белыми волосами, который протянул им руку.

– Доктор Стенбум, – представился он. – Добро пожаловать в Линдсторп.

– Рой Гран, СЭПО, – сказал Рой и пожал ему руку. – И Кент Дёёс.

– Тоже из СЭПО, – прибавил Кент.

Доктор Стенбум не удосужился представить своих спутников, да и вряд ли это было нужно. И Кент, и Рой хорошо знали этот типаж: санитары, охранники или надзиратели. Развернувшись, доктор повел гостей по небрежно расчищенной тропинке к похожему на усадьбу зданию.

– Стало быть, Сэм Бергер? – заговорил врач, идя по снегу. – Не знаю, в курсе ли вы, что вчера он попытался бежать. Мы нашли его в последний момент, иначе он бы замерз насмерть.

– Бежать? – спросил Рой. – Он заперт?

– Сейчас да, – ответил Стенбум. – Он был очень плох, когда прибыл к нам. Кто-то неизвестный оставил его у нас в буйном и невменяемом состоянии. Нам пришлось его усыпить. Очнувшись, он впал в тревожность, угрожал и скандалил. Дошел до такой ярости, что мы решили подержать его на снотворных.

– Когда это случилось?

– Около двух недель назад.

– То есть вы продержали его в бессознательном состоянии две недели?

– Хотя наш пансионат и специализируется на сложном психиатрическом лечении, у нас нет возможности обеспечить круглосуточную охрану. Несколько раз за это время мы снижали дозу седативных препаратов и наблюдали за душевным состоянием пациента. Только вчера утром он показался нам достаточно спокойным для того, чтобы постепенно начать выводить его из сна. Но это спокойствие, очевидно, оказалось нужно только для подготовки побега. Весьма безумного побега, надо сказать. Он попытался остановить автобус голыми руками.

– И в каком состоянии он находится сейчас?

– Поскольку он получил несколько травм, мы решили снова назначить максимальную дозу. Он крепко спит.

– Травмы? – переспросил Кент, передернувшись. – Обморожение?

– Не столько это, сколько ушибы и ссадины. Как я уже сказал, он пытался остановить автобус голыми руками. Вероятно, автобус сбил его с ног, отсюда травмы лица. Он перебинтован.

– Перебинтован?

– Голова, да.

Они подошли к двери, которая, судя по всему, не была главным входом в здание. Доктор Стенбум набрал код, провел карточкой по замку и договорил:

– В общем, я боюсь, что вы не сможете допросить Бергера сразу же. В чем бы его ни подозревали...

Рой и Кент оставили без внимания его любопытство. Они отряхнули снег со своих тонких курток, и все вместе двинулись по совершенно голому унылому коридору, освещенному холодным, скудным светом. Потом свернули в коридор пошире. Мимо них прошла санитарка, толкая перед собой тележку с лекарствами, и больше никого. Не было видно ни одного пациента.

Наконец, доктор Стенбум остановился возле одной из совершенно одинаковых дверей и достал классическую связку ключей. Вставил один из ключей в замок, который, судя по всему, был непростым. Потом Кент и Рой заметили, что он нахмурился, ненадолго, но заметно. Как будто по условному знаку оба расстегнули молнии на куртках и застёжки на кобурах. Доктор Стенбум открыл дверь, которая оказалась незапертой.

На единственной кровати у дальней стены комнаты лежал человек, с головы до ног укрытый одеялом.

Рой достал пистолет и быстро осмотрел комнату. Кент подошел к постели, которую отделяло от двери несколько метров, тоже достав свой Glock. Там он откинул одеяло.

Лежавший под одеялом человек мирно спал.

Это был человек в белом одеянии.

Медсестра.

Из ее руки торчал пустой шприц. Стенбум быстро осмотрел женщину и нашел, что угрозы ее здоровью нет.

– Какого черта! – заорал Рой и обернулся к обоим санитарам, которые как раз медленно заходили в палату.

Они удивленно пожали плечами.

Сбоку от спящей медсестры на простыне расплылось большое мокрое пятно.

– Это еще что такое? – выкрикнул Кент. – Этот идиот обоссался? Или она?

Доктор Стенбум наклонился, принялся и покачал головой. Он повернулся к стоящей рядом с кроватью капельнице, взял трубку и посмотрел на ее конец, который должен был входить в катетер на руке Сэма Бергера. Вместо этого желтый катетер со свежими следами крови болтался на трубке. Врач осмотрел иглу, она оказалась согнутой.

– Лекарство не подействовало, – констатировал он.

– Говорите яснее! – прорычал Рой.

– Он согнул иглу, – задумчиво проговорил Стенбум. – Лекарство вытекло. Он не был усыплен. Когда медсестра вошла, чтобы...

– Он был наготове, – оборвал его Кент и обратился к санитарам. – Он бежал вчера. Куда он бежал?

Санитары переглянулись, обмен взглядами явно затянулся.

– Да отвечайте, черт вас дерит! – крикнул Рой.

– На кухню, – ответил один из санитаров, тот, что повыше. – Потом на террасу. Дальше через поле к дороге.

– Тогда бегом туда! – взревел Рой.

Они побежали по коридору. Доктор Стенбум, тяжело дыша, сказал:

– Кровь на игле совсем свежая. Прошло всего несколько минут.

Они бросились вверх по лестнице и свернули в еще один коридор. Один из санитаров открыл дверь в кухню. На сервировочном столике стояло несколько термосов и блюдо с булочками с корицей, прикрытое пленкой. И ни души поблизости.

– Ищите! – крикнул Рой.

Следуя указаниям Кента, мужчины принялись немного неуклюже обыскивать грязноватую кухню. Тот, что пониже, сказал:

– Посмотрите сюда.

Все подошли к окну, около которого он стоял. Через грязное оконное стекло был виден вертолет. Пилот стоял около него и курил. Снегопад продолжался, и снежинки, казалось, подхватывают сигаретный дым и влекут его вслед за собой на землю.

– Сюда, – еще раз повторил санитар и показал на мойку.

В одной из четырех невымытых кофейных чашек кляксой расплылась капля крови.

И кровь была свежей.

На кухне было еще две двери. Рой подбежал к одной из них и дернул. За ней оказалась кладовая. В ней было пусто.

– Проверьте здесь, – крикнул он и кинулся ко второй двери.

За ней в обе стороны уходил мрачный коридор. Рой высунулся туда и услышал за спиной:

– Здесь внутри тоже кровь.

Рой быстро прикинул, где находится вертолет, и побежал по коридору влево. Метров через десять он остановился и осмотрел скучные бежевые обои. Кент догнал его, Рой поднес указательный палец к бледным красным пятнам на стене.

– У него кружится голова, – сказал Рой. – Он влетел в стену.

Вдвоем они бок о бок добежали до двери в конце коридора. Распахнули ее, и снежная буря ударила им в лицо. Они не сразу смогли снова начать дышать, еще дольше к ним возвращалась способность видеть. Снег кружился во всех мыслимых направлениях.

Они стояли на террасе, на которой от снега было расчищено не больше двух-трех квадратных метров. Возможно, место для курения. Рой и Кент увидели недавние следы в глубоком снегу. Наверное, поблизости есть перила или балюстрада, откуда, вероятно, как-то можно попасть на поле, где далеко слева еле-еле виднелся вертолет.

Рой поднял пистолет, как будто предмет в поле зрения позволял ему лучше видеть, но из-за этого его опередил Кент, уже спешивший по жесткому насту, балансируя и рискуя вот-вот провалиться в снег. Он добрался до засыпанных снегом перил и перевалился через них. Поначалу глубоко увязнув, он сумел выбраться и сквозь все усиливающуюся метель разглядел движущийся силуэт. Это выглядело настолько странно, что в любой другой ситуации Кент остановился бы и поразмыслил над зрелищем. Но сейчас он был на охоте, и ничто его не остановило бы. Ничто не могло ускользнуть от него.

Даже этот ангел.

Ибо именно так все и выглядело. Расправленные крылья, белые на бескрайнем белом фоне, наводили на мысль о том, что удаляющаяся фигура в любой момент может подняться, одолев все законы природы, взлететь сквозь пургу и продолжить триумфальное шествие по бушующим небесам, а потом спуститься к Кенту и с типичной для Сэма Бергера победной улыбкой вернуться, ускользнуть за пределы досягаемости, проплыть между снежинок и исчезнуть вдали.

Но этого не произошло. Силуэт приближался к Кенту. Нет, это Кент приближался к силуэту, это Кент выигрывал гонку и уже мог разглядеть его. Он видел на снегу узкий, тянущийся за беглецом кровавый след и шел по нему. Он уже настолько приблизился к крылатому силуэту, что почти мог дотянуться до него рукой.

Кент быстро оценил ситуацию. У него есть шанс, единственный шанс. Он выбирал момент, когда сможет броситься на беглеца, но стоило ему начать отталкиваться обеими ногами, как у того, кажется, удвоилась энергия, и он отдалился на расстояние, не позволяющее его схватить. Он обернулся, и Кент увидел обращенное в его сторону белое лицо и взгляд, как будто впервые видевший Кента. Словно и не было никакой жестокой драки в квартире Молли Блум в тогда еще бесснежном Стокгольме.

Казалось, что это совсем другой человек. Мумия. И эта мумия подняла забинтованную правую руку, как будто хотела застрелить Кента из пальцев.

Из-за этого мумия сделала неверный шаг, и внезапно нужный момент настал. Кент снова оттолкнулся обеими ногами от этого кошмарного снега, прыгнул и схватил хлопающее крыльями существо за руку, повалил на наст, который тут же проломился. Они оказались лицом к лицу в глубоком снегу, и Кент заломил беглецу руку, применив запретный прием, впечатал гада лицом в снежную перину.

Вытащенные глаза смотрели на Кента из-под бинтов, через плечо. Голубые, строптивые, сейчас в них сквозила легкая паника. Кент перевернул соперника на спину, прижал коле-

нями руки. Нашупал где-то на затылке конец бинта и начал разматывать повязку. Показалась избитая в кровь щека, затем подбородок со следами от ударов.

Ненавистное лицо Сэма Бергера отпечаталось когда-то у Кента на сетчатке, и настал момент отомстить за все унижения последних недель. Он хотел увидеть, как это окровавленное, испуганное лицо превращается в лицо избитого Бергера.

Он разматывал бинт медленно, с наслаждением, постепенно обнажая кожу. Крупные хлопья снега таяли на постепенно проступающем из-под повязки лице.

Но в победном кубке с медом оказалась ложка дегтя. Уже когда Кент подобрался к челюсти, ему начало казаться, что что-то не так. Он больше не мог тянуть и постарался разбинтовать пленника как можно скорее.

И оказалось, что в кубке был только деготь.

Кент долго смотрел на израненное, все в синяках лицо.

Потом закричал:

– Это, черт бы его побрал, не Сэм Бергер!

5

Среда, 18 ноября, 10:28

Снегопад прекратился. Снег остался только на земле. Спокойный, неподвижный. Мир побелел. Казалось, что человек ступает по целине, куда до него никто не добирался.

Среди белизны показалось что-то. Женщина.

Ее с трудом дающиеся шаги оставляли первые следы цивилизации. Символы борьбы, выживания. Символы непокорности удручающим обстоятельствам.

Ночь была долгой, и снежная буря лишь утром переместилась дальше к югу. Тщательно расчищенной дорожки уже почти не было видно.

Женщина перебралась через вершину, увидела деревянный домик в его новом облачении, бросила взгляд на мобильный телефон. В ее распоряжении оставалось еще две минуты, достаточно.

И тут она увидела его. Он шел, спотыкаясь, по снегу, его ярко-красная куртка виднелась издали.

Женщина остановилась, бросила взгляд на ясное голубое небо и побежала за мужчиной. Следы, оставленные им, были глубокие, четкие, но снег мешал ей двигаться быстро. Она скорее пробивалась вперед, чем бежала, а он петлял впереди, как будто его продвижение зигзагами отражало его душевное состояние.

И все же расстояние между ними сокращалось. Она достала мобильный телефон, не понимая, как давно на нем уже светятся цифры 10:29, которые в любой момент могли поменяться, и значит, она опоздает.

Последние метры она преодолевала больше как трактор, нежели антилопа. Она расстегнула длинный белый пуховик, и его подхватил ветер, превращая в подобие раздувающегося паруса в штормящем море. Мужчина обернулся, он был полон смятения и первобытного ужаса, но разглядеть глаза на заросшем седеющей бородой лице было нелегко.

Женщина упала на него, вжала его красную фигуру в снег, накрыла своим белым парусом и бросила взгляд на мобильник. В ту же секунду цифры поменялись на 10:30.

Они оказались лежащими лицом к лицу в этом подобии палатки. Мужчина устался на женщину, она поднесла палец к губам, призывая к молчанию, он повиновался.

Было странно видеть его таким. Он очень изменился. Удивительно было даже не то, что у него отросла такая буйная борода, а то, что она изменила цвет. Его темные волосы тоже поседел; казалось, две недели, проведенные на шведском полюсе недоступности, превратили его в другого человека.

Она все еще прижимала палец к губам, он по-прежнему молчал, лежал неподвижно, проявив вдруг уступчивость. Она посмотрела на мобильный, подождала еще. Не было слышно ничего, кроме их тяжелого дыхания. Два дыхания, два совершенно разных темпа жизни.

Она лежала на нем. Его тело казалось вялым и слабым. В снежной пещере, накрытой ее широким белым пуховиком, между ними едва ли не впервые после лодочного домика произошел контакт. Глаза над заросшими щеками смотрели ясно, как давно уже не смотрели.

Последний взгляд на телефон, теперь можно, всё позади. Женщина медленно поднялась, ее пуховик уже не служил средством маскировки и на удивление плотно облегал ее стоящую фигуру. Его же красная куртка распласталась по снегу. Мужчина медленно поднялся, встал рядом с женщиной, лицом к лицу.

– Спутник, – сказала она. – Один из нескольких.

Мужчина заморгал, как будто этими движениями он пытался прогнать остатки смутения. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но всякое общение казалось пока невозможным. Вместо этого она подхватила его под руку и отвела напрямик в дом.

Полюсом недоступности называют место, находящееся одинаково далеко от всех цивилизованных мест. Например, существует морской полюс недоступности, он же «точка Немо», расположенный в южной части Тихого океана на большем расстоянии от суши, чем любая другая точка в мировом океане.

Но и у каждой страны есть свой полюс недоступности. Шведский находится к юго-востоку от озера Кобтояуре в национальном парке Падьеланта, что в муниципалитете Йокмокк. От этого места импровизированную снежную пещеру, из которой только что выбралась пара, отделяло совсем небольшое расстояние.

Женщина открыла дверь маленького деревянного дома, и сквозняк разметал ее светлые волосы.

Постель была пуста, простыня и одеяло скомканы как попало. На ночном столике на своем месте лежали таблетки. Продолговатая шкатулка для часов была открыта впервые с приезда сюда. Золотистый замочек слабо поблескивал в лучах зимнего солнца, падающих из окна.

Мужчина протиснулся мимо женщины, опустился на пол рядом с крошечным санузелом и съехал, прижавшись спиной к стене и обхватив колени руками. Взгляд устремился куда-то вдаль. На запястье в первый раз за долгое время были надеты часы.

– Прошло больше двух недель, Сэм, – заговорила первой женщина. – И мы еще не в полной безопасности. У меня есть расписание космических спутников, которые могут проходить над нами. В это время нам нельзя выходить на улицу.

Он посмотрел на нее, потом провел рукой по густой бороде, распрямил шею и сказал, не глядя на женщину:

– Это дерьмо должно наконец закончиться.

– Все это время с тобой было не то чтобы легко общаться, Сэм. Ты прекратил принимать лекарства?

Он покачал головой и сказал:

– Молли, черт побери.

Она устроилась рядом с ним. Они сидели так какое-то время: она – на корточках, он – прижавшись к стене. В полной тишине, если не считать гудения батареи отопления.

– По-моему, он вот-вот разрядится, – сказал Сэм Бергер и показал на автомобильный аккумулятор.

– Если не считать спутника, то ты выбрал правильное время, чтобы очнуться. Это вселяет хоть какую-то надежду на будущее.

– Вообще не понимаю, о чем ты.

– Ты прав, – сказала Блум, вставая. – Это твой пятый аккумулятор, и он вот-вот разрядится. Пора немного окунуться в цивилизацию. Только надо помнить, что мы не совсем свободны. Мы прячемся. За нами охотятся. Ты ведь об этом помнишь?

Бергер посмотрел на нее. Она встретила с ним взглядом. В его глазах читались бесчисленные вопросы.

– Слишком много кошмаров и галлюцинаций, – ответил он. – Все время возвращается совершенно холодное лицо. Силь, стало быть, мертва? Убита СЭПО? Задушена чертовым носком, засунутым в горло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.